

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ГОРЬКОВСКИЙ...

ГОРЬКОВСКИЙ этот спектакль — и по глубине мысли, и по идейной направленности. Нередко бывает, что мы миримся и даже приветствуем спектакли только за то, что там имеется элементарное соблюдение авторской логики и аккуратное обращение с текстом, мы порой готовы принять академическую бесстрастность за некие традиции. Как будто можно себе представить горьковский театр без жаркой схватки противоположных сил, без страстных идейных споров, без живого отзвука современности.

СПЕКТАКЛЬ Г. Товстоногова в Ленинградском Большом драматическом театре имени М. Горького, может быть, не бесспорен в частностях, но он верен Горькому в главном. Свои сцены в узаконном городе писатель назвал лаконично и исчерпывающе: «Варвары».

Варвары — это люди, которым «ничто не дороже». Они строят железные дороги, но не думают о тех, кто будет ездить по ним; они признают и даже создают машины, но равнодушны к тому, что под колесами новых машин погибнет непонятая человеческая душа. Хищники, обирающие жизни, они дают на пути всякого, кто попадется им под ноги.

Ну, а те, другие, кто жил в сонной долине толпого провинциального быта, играл на трубе, подворовывал помаленьку казенные деньги, равнодушно лечил людей, думая только о себе, и понемногу проживал, размазывал в ржавой мсорубке обыденщины свой ум и вылавливал свое жалкое, эгоистическое счастье, — те ведь тоже варвары?

Великий гуманист, Горький не прощает ни тем, ни другим. Не про-

щает им и режиссер Товстоногов. Клейкая, душная жизнь открывается на сцене (художник спектакля В. Степанов). Неумело, лаволино тренькает гитара, равнодушно и деловито на одной ноте кричит со сцены женщина, томительно, как гигантские песочные часы, течет время. И внимательный человек Павел Голубастиков, точно сыгранный Б. Рыжухиным, возникающий неожиданно и неслышно, как собственная тень, принохляется к солнцу, словно и на нем хочет найти следы недозвоненных мыслей.

Вот, кажется, придут инженеры, проведут железную дорогу, возмутят, изъезжая застоявшуюся тишину, откроют перед человеком возможность иной жизни. Но беда в том, что, как говорит опустившийся пропойца Дунькин муж, «дороги строят, а идти человеку некуда».

Некуда, если нет цели. Но будут, уже есть люди, которые видят эту цель. За ними будущее, даже если сейчас они еще не все знают, не все понимают. Одни из них, не способные на компромисс, не справятся с болью грубо сломанной веры, как Надежда Монахова, другие, как Степан или едва вступающая в жизнь Катя Редозубова, доберутся до правды.

Опасная сила варваров — временная сила. Она не может быть вечной. И вот варвары теряют почву, все больше чувствуя свою немощь и бессилие. Через весь спектакль тонко прочерчена линия, образующая водораздел между теми и другими. Цивилизованные люди, цвет общества, строители жизни все заметнее сбрасывают с себя защитные платя культуры и под конец, обнаженные, оказываются просто дикарями.

ТОВСТОНОГОВ прочел «Варваров» как трагикомедию. Он не отказывается от смешного, чтобы подчеркнуть драматизм. Так, все время акрапливается в смешное ужасное, и пронизывает трагическое смешным. Так, все время дополняют и оттеняют друг друга маленькое и страшное, смешное и трагическое. Наибольшая изобразительная сила это соединение достигается в третьем акте, на празднике, устроенном в честь рождения Богатейской.

Темнеет высокий дощатый забор, отгораживающий дом Богатейской от мира Редозубовых, покосилась старая, побуревшая от времени круглая дворянская беседка с шербатыми ступенями, наивные бумажные фонарики — следы тихой девичьей жизни — висят над большим пустынным столом; бесспорно сгрудились винные бутылки, давно перекупаны бокалы, закуски, фрукты; люди появляются, подходят к столу, бесцеремонно разглагольствуют этикетки, наливают вино, которое оказалось ближе, и снова уходит, уходит, как в случайном трам্বе, стоящем у дороги. Выпьют, исчезают, потом возникают опять — пьяные, равнодушные, прилипчивые. Рядом поигрывает наивная садовая музыка, зло философствует доктор, по пятам преследует жену акцизный надзиратель; распустив, круглый живот, смачно и долго икает довольный собой Притякин.

Смешно? Может быть. Но и страшно. Особенно страшно, когда Надежда, стоя у стола, не замечая пьяного беспорядка, неотступно смотрит на Чиркуна своими огромными, ярко-синими,avorаживающими и доверчивыми глазами, словно уже отдает себя в его власть. А на сцене под громкие звуки бра-

вурного марша, огибая беседу, медленно и неслышно выползают из всех щелей пыльные гости. Их желания эгоистичны. Они потребители. Хуже того, они варвары. Не удивительно, что они и погубили Монахову.

ПОСМОТРИТЕ на нее в исполнении Т. Дорониной. Красная, синеглазая, еще совсем молодая и очень сильная, меньше всего она похожа на профессиональную львицу. Да, она немножко смешна, слишком крикливо одета, разговаривает на иностранном жаргоне, усвоенном из дешевых переводческих романов. Но, когда она говорит о любви, даже нелепый словарь не может сделать ее чувства смешными, потому что любовь для нее — неосознанная и единственно доступная ее пониманию форма гармоничной жизни, потому что она натура незаурядная и творческая (и этого в спектакле не заслоняет наивно-провинциальный облик). Она только в любви видит преобразование. Смешно, когда грубоватый, эгоистичный и на поверку ничтожный Чиркун превращается в ее воображении чуть ли не в идеального античного героя. Но страшно, когда, развеивая свой идеал, Надежда без жалоб, без громких слов и обвинений уходит из жизни. Самоубийство Монаховой в спектакле — обвинительный приговор Чиркуну. Его нравственно расстреливает выстрел Надежды.

Но этот же выстрел возвращает давно утраченное человеческое достоинство Маврикию Монахову. Монахов, замечательно сыгранный Е. Лебедевым, по праву делит с Надеждой самое крупное и принципиальное завоевание спектакля. Все непорочно в этом человеке с проинзительным, недвусмысленным взглядом и витиевато-шутковскими манерами. Под форменным мундиром акцизного надзирателя скрыта беспокойная

душа честолюбца. Минительность сделала его настороженным, боязнь потерять — акрадным, подозрительность — выслеживающим. Он смеши, неприятен и жалок. Но его боль — настоящая, невыдуманная. Эта боязнь правды сделала его шутком. Страх перед жизнью заставляет гаерствовать. И все для того, чтобы напоследок услышать от Надежды равнодушие и прощальное: «Иди один, покойник... Иди!». Медленно и покорно уходит Монахов — Лебедев. Невозможно забыть его сразу пошлющую спину, внезапно отжалевшую похodu, виновато опущенную голову. Он, Монахов, распахивается за смерть Надежды жизненным крушением. Но, обвиняя себя, он со всей силой прозревшего маленького человека обвиняет тех, кто равнодушен к человеческой судьбе. Он обвиняет несправедливую жизнь, изуродовавшую его душу и убившую Надежду. Он обвиняет варваров.

ВАРВАРЫ — спектакль актерский. В нем все выражено с помощью исполнителей и через них. Недаром в нем так много актерских удач. вновь блеснула тонким реалистическим мастерством О. Казико в роли Богатейской. В новом качестве раскрылся В. Стрельчик. Его Цыганов — характер сложный и емкий. Изверившийся, опустошенный цивилизованным варваром, он под конец жизни распахивается за свое бесплодное, эгоистическое существование безнадельной и бесцельной любовью.

Выразительна фигура Редозубова — В. Полицейского, этакого узкого короля Лира, переживающего драму отверженности. Но принятия его страдания так ничтожны, а признания так нелепы, что, чем больше он страдает, тем больше смеется зал. С органичным юмором, очень естественно играет В. Кузнецов нелепого и трогательного в своей чудовищной наивности Гришу. Своеобразно и интересно прочтены роли

Лидии, в которой Н. Ольхина утверждает тему исканий настоящего человека, и Анны, у которой И. Кондратьева выдвигает на первый план духовное бессилие, эгоистическую слабость.

Сложная задача поставлена в спектакле перед Чиркуном. Человек, режущий в глаза правду, могучий, он под конец обмя, заюлил, сдался. П. Луспикаев — актер для Ленинграда новый — покориет своей искренностью, объясним, правдой сценической жизни. Но где-то индивидуальность исполнителя заслоняет характер героя. Подчас мягкость актерской манеры излишне смягчает и весь рисунок Чиркуна. Недаром именно этот образ в спектакле вызывает наиболее активные споры. Спорна, на мой взгляд, и несколько ступенная бытовая окраска обоих Притякинских.

Но на главном направлении спектакль не только проникает в глубь пьесы, но и естественно приближает ее содержание к вопросам, волнующим нас сегодня. Выстрелила в себя Монахова. Уедут опустошенные все Цыганов и Чиркун. Так же повиснет сонная одура над городом редозубовых и павлинов. Но уже ушел из города Степан Лукин. Уходит за ним Катя, превосходно сыгранная Э. Шарко, не кто-нибудь — дочь и опора самого Редозубова. Их дорога ясна. Они дойдут. И если вернуться, то для того, чтобы уничтожить варваров, чтобы вернуть к жизни поверженного варварам красоту жизни.

Вот эта-то мысль, последовательно проводимая через весь спектакль, и делает его горьковским.

Р. БЕНЬЯШ.

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

31 марта 1960 г.

3 стр.